

Павел Васильевич Анненков

Г-н Н. Щедрин

Павел Анненков

Г-н Н. Щедрин

«Public Domain»

1963

Анненков П. В.

Г-н Н. Щедрин / П. В. Анненков — «Public Domain», 1963

«Н. Щедрин известен в литературе нашей, как писатель-беллетрист, посвятивший себя преимущественно объяснению явлений и вопросов общественного быта. Все помнят его дебюты в литературе: он открыл тогда особенный род деловой беллетристики, который сам же и довел потом до последней степени возможного ему совершенства. Его «Губернские очерки» доставили пресловутой Крутогорской губернии и городу Крутогорску такую же почетную известность, какой пользуются другие географические местности империи, существующие на картах...»

© Анненков П. В., 1963

© Public Domain, 1963

Павел Васильевич Анненков Г-н Н. Щедрин

Н. Щедрин известен в литературе нашей, как писатель-беллетрист, посвятивший себя преимущественно объяснению явлений и вопросов общественного быта. Все помнят его дебюты в литературе: он открыл тогда особенный род *деловой* беллетристики, который сам же и довел потом до последней степени возможного ему совершенства. Его «Губернские очерки» доставили пресловутой Крутогорской губернии и городу Крутогорску такую же почетную известность, какой пользуются другие географические местности империи, существующие на картах. Эта грязная «Атлантида» своего рода умела представить в одно время данные для административной поверки страны вообще, и для общественных и нравственных соображений публики в особенности. С тех пор г. Щедрин изменял редко деловому своему направлению, которое так удалось ему при дебюте, и почти никогда не употреблял пера своего на описание чего-либо, лишённого строгого гражданского характера, на какие-либо пустяки, касающиеся судьбы частного, неизвестного лица или истории сердца, движимого интересами, которых прямо нельзя связать с интересами всего общества. Г-н Щедрин не знает таких случаев в жизни, которые важны были бы одним своим нравственным или художественным значением; он вполне свободен от сочувствия к эгоистическим радостям, надеждам и страданиям человека, самовольно прорастающим иногда в среде важных стремлений и вопросов эпохи без явного отношения к ней, как прорастают кустарники и деревья на каменных сводах старых построек, не спросившись никого. Все это дает деятельности г. Щедрина какой-то суровый характер, несмотря на откровенный его юмор и на замечательную способность к политической карикатуре и к «*шаржу*» вообще. Правда, почти рядом с официальным миром Крутогорской губернии г. Щедрин вывел нам другой мир – мир просто-народья – и показал признаки умиления, рассказывая нам об его религиозно-созерцательной жизни, наклонности к поэтическим ощущениям долгих, благочестивых странствований, об его простоте в перенесении зол и нищеты и об оригинальном способе его воззрений на призвание человека, на отношения к людям, властям, учреждениям; но такое отступление отдела, в строгом смысле слова, было один только раз в его жизни. Г. Щедрин, кажется, первый усомнился в истине того рода поэзии, которую открыл за русским человеком, и поспешил стряхнуть с себя обаяние сладкой, но неверной мечты. Впрочем, можно допустить и другое объяснение этому факту. Временное уклонение г. Щедрина от постоянной его манеры было, может статься, только невольной данью, выплаченной им поэтическим элементам жизни, которые, не находя себе места в его обычной деятельности, должны были хоть раз сказаться в ней, и тем с большей силой, чем реже имели случай обнаружить себя. Это явление случайное, особенность, поясняемая самодеятельностью душевных сил, которые творят еще и не такие чудеса с людьми – но к характеристике писателя оно относиться не может.

С той поры, однако же, г. Щедрин все строже оберегал себя от праздных или недозволенных порывов фантазии, наглухо запирает от них свою мастерскую и, надо сказать, все ближе подходил к идеалу *делового* беллетриста, какой может составить себе отвлеченная теория. В последних своих произведениях он простер наблюдение за собой в вышепоказанном смысле почти до аскетизма. Один том собрания его сочинений, следовавших за «Губернскими очерками» – «Сатиры в прозе», недавно вышедший и о котором мы намерены сказать здесь несколько слов, – заключает в себе результат наблюдений автора над обществом, беспощадный и во многих случаях очень меткий анализ тайных побуждений, которые управляют мыслями, чувствами, поступками и жизнью обывателей Глупова, этого нового географического пункта, открытого г. Щедриным и отличающегося от других таких же пунктов тем, что настоящих его границ никто указать не может. Прежде всего мы видим тут, что

автор уже покинул форму правильного рассказа, которой он еще держался в «Губернских очерках», и изобрел для себя новую, именно: форму повествовательных размышлений. Оно и понятно: ведь настоящий рассказ есть тоже своего рода недозволенное развлечение для человека, занимающегося делом, и не только развлечение, но, по требованиям отчета за всю свою постройку и по требованиям правомерного распределения красок, он есть еще и стеснение. Освободившись от тяжести и ответственности обыкновенного рассказа, г. Щедрин свободно предался анализу, оценке и олицетворению тех элементов общества, которые он нашел в нем, когда новый моральный принцип под видом крестьянской, административной и общественной реформы насильно вторгся в средину его, спасая и обнаруживая его болезни. Картина, представленная г. Щедриным, есть в своем роде мастерская вещь и; как домашняя история общества, – может быть противопоставлена газетной или официальной истории нравственного положения образованных классов в знаменитую эпоху перелома, хотя вопрос – которая из этих историй вернее, остается вполне нетронутым. Трудно и перечислить все подробности щедринского понимания факта. Злоба потревоженных глуповцев, умеряемая только их страхом и привычкой повиновения, панический ужас, побеждаемый, в свою очередь, тайной надеждой на возвращение прежних времен, лицемерие, старающееся спасти остатки погибающих порядков яростным заявлением своей готовности на их преследование, грубость, своекорыстие и насилие, чувствующие, как убегает почва из-под ног их и вызывающие к новому принципу и к новой силе, в одно и то же время, с плачем и со скрежетом зубов, с мольбой о спасении и с проклятиями, – тут все есть, даже и первые зачатки глуповского возрождения в форме молодых администраторов, пропитанных журнальными статьями и отыскавших в своем чтении поводы кичиться перед людьми и презирать целиком провинцию, за исключением ее вечно-милрой «клубнички»! Публика наша еще и не видала такого прямого, простого и ясного способа относиться к современности, но эта цельность воззрения всего более послужила г. Щедрину. Отсюда он получил свой особенный тон речи, необычайную изобретательность в приискании самого живописного слова для своей мысли и вообще характеристический стиль, чего нет ни у одного из его подражателей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.